

³ См.: Алексеев Н.С., Макарова З.В. Указ.соч. С.124-126.

⁴ См.:Элькинд П.С. Право обвиняемого на защиту в советском уголовном процессе //Вопросы защиты по уголовным делам. Л., 1967. С.39.

⁵ Термин «доступ к адвокату» употреблен в Постановлении Конституционного суда РФ по делу В.И. Маслова и, как представляется, весьма точно характеризует сущность права лица на обращение за получением квалифицированной юридической помощи.

*А.А. Тарасов**

Об участии стороны защиты в назначении и производстве экспертиз по уголовным делам

Участие стороны защиты в назначении и производстве судебных экспертиз не относится к числу наиболее обсуждаемых в литературе проблем, да и проблемой, как таковой, не считается. В самом деле: у обвиняемого, подозреваемого и их защитника достаточно прав для того, чтобы ходатайствовать о назначении любых экспертиз, они вправе требовать экспертного исследования любых объектов, формулировать любые вопросы, вправе требовать поручение экспертизы любому указанному ими лицу, обладающему специальными знаниями в любой сфере, и так далее. В то же время в литературе отмечается, что какие-либо ходатайства в связи с назначением и производством экспертиз и ознакомлением с уже готовыми заключениями экспертов на практике заявляются крайне редко. А.В. Кудрявцева, установив, что это происходит лишь в 1,4 % изученных ею случаев назначения экспертиз по уголовным делам, обоснованно связала этот факт с недостаточной гарантированностью прав участников процесса¹, формально такими правами наделенными.

Явная недостаточность прав представителей стороны защиты в процессе назначения и производства экспертиз естественным образом налагается на еще одну проблему: ни у обвиняемых (подозреваемых), ни у их защитников — профессиональных юристов — нет специальных знаний, в сфере которых производится экспертиза. Уместно напомнить, что

* © Тарасов А.А., 2005.

и у лиц, назначающих экспертизы (следователей, дознавателей и судей), также отсутствуют специальные знания по профилю назначаемой экспертизы. В уголовно-процессуальной литературе этой проблеме не принято придавать сколько-нибудь серьезного значения, чего не скажешь об исследованиях, например, криминалистов² и судебных медиков³. Учебная программа вузовской подготовки по специальности «Юриспруденция» (специальности следователей, судей и адвокатов) включает курсы судебной медицины, судебной психиатрии, криминалистики со всеми ее разделами (почерковедение, трасология и т.п.). Сказанное формально дает основания считать, что все профессиональные юристы, участвующие в назначении и производстве экспертиз, в оценке экспертных заключений и в сопоставлении их с другими равноценными доказательствами, обладают необходимым для этого уровнем специальных знаний. Но сколь же далеко это формальное представление от реальности, и отнюдь не только потому, что кто-то из юристов имеет недостаточно высокий уровень профессиональной подготовки. Фактически знаний следователя, судьи и адвоката в самом лучшем случае хватает только для того, чтобы отличить одну сферу специальных знаний от другой, очень приблизительно оценить возможности экспертных исследований, предварительно по имеющимся образцам сформулировать вопросы, столь же предварительно подготовить объекты для исследования, оценить формулировки самих выводов в заключении и сопоставить их с вопросами, поставленными на разрешение экспертов. Едва ли можно требовать от профессионального юриста чего-то большего в условиях стремительного роста возможностей современной науки и техники.

Нельзя не отметить и еще одно важное обстоятельство: в силу сложившихся традиций в организации правоохранительной и экспертной деятельности современная практика назначения и производства экспертиз превращает этот способ собирания доказательств в исключительную монополию стороны обвинения. Экспертизы в своем подавляющем большинстве назначаются в досудебном производстве, где носителями властных полномочий выступают участники процесса со стороны обвинения — следователи, дознаватели, прокуроры. Значительная часть экспертных учреждений сосредоточена в системе органов внутренних дел, к которой относится также и большая часть следователей и дознавателей⁴.

Три обозначенные проблемы — фактическая невозможность реализации многих прав стороны защиты, отсутствие специальных знаний по профилю назначаемых экспертиз у представителей обеих сторон

в уголовном процессе и традиционная ведомственная связь большинства государственных экспертных учреждений со следственным аппаратом — позволяют достаточно четко разграничивать формально юридическую и фактическую стороны рассматриваемого вопроса.

Процесс использования специальных знаний эксперта в доказывании, который формально обеспечен целой системой правовых гарантий, фактически в большинстве случаев осуществляется по такой упрощенной схеме. Сначала следователь или дознаватель как представители стороны обвинения и как лица, назначающие подавляющее большинство экспертиз, делают это почти исключительно по собственному усмотрению и с использованием имеющихся образцов постановлений, а затем эти же лица практически «вслепую» принимают на веру выводы эксперта и полагают их в основу юридически значимых решений.

В суде ситуация меняется лишь в случаях назначения экспертиз самим судом: стороны включаются в процесс назначения экспертиз на равных правах. Те же экспертные заключения, которые появились до суда, как правило, принимаются на веру и судом. Согласно ч. 3 ст. 240 УПК РФ, сослаться в приговоре на заключение эксперта как на доказательство суд сможет только в том случае, если он исследовал это заключение в судебном заседании. Однако как реально выглядит это «исследование», знает любой практикующий юрист: термин «исследование» в практике давно вытеснено словом «оглашение», что вполне адекватно отражает суть происходящего в суде. Экспертные заключения, как и все другие материалы дела, оглашаются в присутствии сторон, которые, напомним, не обладают необходимыми специальными знаниями. Исследовательские части заключений по согласию присутствующих могут не оглашаться вовсе. Иногда эта привычная картина дополняется допросом эксперта, но и его показания, как правило, укладываются в простую схему: эксперт показывает, что экспертные исследования проведены им в точном соответствии с имеющимися методиками, и повторяет сделанные в заключении выводы. Существование самих экспертных исследований эти показания, как правило, не касаются. По делу Г., обвинявшегося в 1996 г. в умышленном групповом убийстве с особой жестокостью, защитник попытался выяснить в суде на допросе эксперта-психиатра, вызванного по ходатайству защиты, в чем именно проявились «психопатические черты характера» Г., о которых сказано в выводах эксперта, но не сказано в исследовательской части заключения. Ответ был прост: «Психопатические черты характера проявились в беседе с Г.», без ка-

ких-либо уточнений. Суд счел, что ответ на вопрос защиты получен, и остальные (уточняющие) вопросы отвел как не имеющие отношения к делу⁵. Допрос эксперта в суде в подавляющем большинстве случаев производится для разъяснения формулировок самих выводов. В этом, разумеется, тоже иногда возникает необходимость. Но исследовательская часть экспертного заключения в этих случаях полностью выпадает из поля зрения сторон и суда.

В результате экспертное заключение становится неким «абсолютизированным» доказательством, принципиально непроверяемым и имеющим вопреки правилам ст. 17 УПК РФ заранее установленную силу. Проблема существенно обостряется при производстве по тем делам, по которым назначение экспертизы обязательно, то есть когда сам законодатель фактически констатировал невозможность установления наиболее существенных, ключевых обстоятельств дела без производства экспертизы. Это — дела об убийствах, по которым непосредственная причина смерти потерпевшего устанавливается только экспертным путем, дела о применении принудительных мер медицинского характера, по большей части дела о насильственных преступлениях, когда без определения степени вреда здоровью правовая оценка деяния вообще невозможна, и многие другие.

Сказанное позволяет заключить, что проблема обеспечения состоятельности в назначении и производстве экспертиз существует и требует решения. Е.Р. Россинская полагает, что «единственной возможностью проверки научной обоснованности и достоверности экспертного заключения является реальная состязательность экспертов, для достижения которой необходимо предоставить право назначения судебных экспертиз не только суду и стороне обвинения, но и стороне защиты, которая пока может только ходатайствовать об этом»⁶. Думается, такое решение нельзя считать оптимальным.

Е.Р. Россинская абсолютно права в том, что единственным способом обеспечить объективную правильность оценок заключений экспертов служит привлечение к участию в деле нескольких лиц, обладающих специальными знаниями в одной сфере, которые должны высказать и обосновать в той или иной форме свои профессиональные суждения по одним и тем же вопросам, поставленным сторонами и судом. В этом случае у юриста-профессионала появляется реальная возможность сравнивать несколько выводов об одном и том же, несколько комплексов аргументов относительно одного и того же. Вот здесь знаний юриста

вполне достаточно. Однако предложение Е.Р. Россинской о назначении экспертиз защитниками при кажущейся привлекательности сопряжено с кардинальной ломкой всего досудебного производства. Сторона обвинения, обладая властными полномочиями, действительно «назначает экспертизу», и экспертное учреждение не вправе без особых, указанных в законе оснований отказать государственным органам. Реально ли это же для стороны защиты? Допустимо ли наделить сторону защиты властными полномочиями? Отсутствие властных полномочий, в принципе, может компенсироваться «материальной стимуляцией» экспертов и экспертных учреждений, которая давно вошла в практику гражданского и арбитражного судопроизводства. Однако допустимо ли узаконить «возмездное оказание экспертных услуг» в уголовном процессе? Способен ли такой подход обеспечить равенство состязующихся сторон, которые ведут между собой, в первую очередь, совсем не имущественный спор?

Полагаем, что обеспечение состязательности в использовании специальных знаний в доказывании по уголовным делам возможно без кардинальной ломки действующего законодательства, без введения спорного «параллельного адвокатского расследования», а путем активного вовлечения в процесс доказывания давно известной отечественному уголовному процессу процессуальной фигуры – специалиста (ст. 58 УПК РФ). Процессуальные действия, производимые с участием этой фигуры, особенно с учетом новых законоположений о «заключениях и показаниях специалиста» (п. 3-1 ч. 2 ст. 74 УПК РФ), требуют теоретического анализа.

Рассмотрим три наиболее важных этапа процессуальной деятельности, связанных с назначением и производством судебных экспертиз: 1) ознакомление с постановлением о назначении экспертизы; 2) собственно экспертные исследования; 3) оценка участниками процесса экспертного заключения.

Предъявление стороне защиты постановления о производстве экспертиз – это вытекающая из принципа обеспечения обвиняемому, подозреваемому права на защиту обязанность лица, назначившего экспертизу⁷. Смысл этого процессуального действия состоит в предоставлении стороне защиты реальной возможности воспользоваться имеющимися у нее правами в связи с назначением и производством экспертиз. Для полноценной реализации большей части прав обвиняемого и подозреваемого в названных процессуальных действиях необходимы специальные знания.

В сложившейся практике назначения экспертиз процесс активного общения представителей обвинения и защиты, из которых никто в достаточной мере не разбирается в предмете экспертизы, вполне мог бы напомнить «разговор слепого с глухим». Поэтому чаще всего этого общения не происходит вовсе: ознакомление обвиняемого и подозреваемого с постановлением о назначении экспертизы на практике привычно воспринимается как пустая формальность. Закон (ч. 1 ст. 58 УПК РФ) предусматривает возможность привлечения специалиста «для постановки вопросов эксперту». Реально этим правом на практике не пользуются, но именно оно могло бы превратить обвиняемого и подозреваемого из безмолвного статиста в активного участника доказывания.

Действительным препятствием для участия стороны защиты в назначении экспертиз является отсутствие организационно-правовых условий для использования тех прав, которые объективно могли бы быть наиболее эффективными: право выбрать экспертное учреждение и конкретного эксперта, заявить отвод эксперту. Здесь без консультаций с профессионалом также не обойтись. Однако есть и другая проблема: при поручении производства экспертизы экспертному учреждению фамилия конкретного эксперта вообще не известна даже самому следователю, а он, в свою очередь, формально не обязан дополнительно извещать сторону защиты о том, кто именно будет проводить экспертизу после того, как это станет известно.

Действуя по сложившимся стандартам, следователи, дознаватели и прокуроры, как правило, не считают своим долгом извещать сторону защиты о составе экспертных комиссий (сформированных через какое-то время после вынесения постановления о назначении экспертизы) либо о личности конкретных экспертов, назначенных руководителями экспертных учреждений. Отсутствие такой информации у обвиняемого (подозреваемого) до начала экспертных исследований Конституционный суд РФ в определении от 18 декабря 2003 г. № 429-О по жалобе граждан Березовского Б.А., Дубова Ю.А., Патаркацишвили А.Ш. официально признал нарушением права на защиту. Строго говоря, рассмотренная практика назначения и производства экспертиз сопряжена с нарушением федерального закона, и полученные таким образом доказательства — заключения экспертов — должны признаваться недопустимыми (ч. 3 ст. 7 УПК РФ). Но описанная ситуация настолько привычна, что на практике на нее вообще не принято обращать внимание.

Для полного соблюдения требований уголовно-процессуального закона назначение экспертизы должно проходить в два этапа. Сначала

лицо, назначающее экспертизу и поручающее ее производство экспертному учреждению, обязано ознакомить сторону защиты с вынесенным постановлением, предоставив ей возможность реализовать права, связанные с постановкой вопросов перед экспертами и определения круга объектов, направляемых на экспертизу. Затем, после назначения экспертным учреждением конкретного эксперта или формирования экспертной комиссии, сторона защиты дополнительно должна быть ознакомлена с персональным составом экспертов для реализации права на отвод любого из них.

Однако и этой информации для полноценного осуществления права на защиту недостаточно. Обвиняемый, подозреваемый и их защитники должны быть извещены о времени и месте производства самих экспертных исследований, что имеет принципиальное значение для обеспечения состязательности в назначении и производстве экспертиз на втором из обозначенных ранее этапов.

Обвиняемый и подозреваемый обладают правом на присутствие при производстве экспертных исследований и на дачу объяснений экспертам (п. 5 ч. 1 ст. 198 УПК РФ). Отношение к этому положению закона на практике специфическое: о нем либо вообще не знают (причем представители обеих сторон), либо в нем просто не видят смысла. Отчасти — не без оснований. В подавляющем большинстве случаев (почти любые трасологические, баллистические, дактилоскопические, почерковедческие, судебно-медицинские и пр. исследования) обвиняемый, подозреваемый и их защитники не могут понять совершаемых экспертами исследовательских операций. Из этого правила есть важные исключения — случаи, когда предмет судебно-экспертных исследований совпадает с предметом профессиональной деятельности обвиняемого или подозреваемого. Например, участие врача-обвиняемого (подозреваемого) в судебно-медицинских экспертизах, бухгалтера — в судебно-бухгалтерских. Так, по уголовному делу, возбужденному в отношении врача-реаниматолога М., в группе других врачей — участников хирургической операции и последовавших за ней реанимационных процедур⁸ — потребность и целесообразность присутствия подозреваемого, имеющего 20 лет врачебной практики и опыт экспертной судебно-медицинской работы, была очевидна. В ответ на ходатайство защитника об обеспечении возможности реализации этого права следователь заявил, что присутствие подозреваемого при производстве экспертизы допускается по закону только с разрешения следователя, а давать это разрешение или нет — вопрос, отнесенный законодателем к его личному усмотрению. Букваль-

ное толкование названной правовой нормы вынуждает признать, что это действительно так. Однако, настаивая на удовлетворении ходатайства, защитник сослался на общее требование о необходимости мотивировать постановление следователя об отказе в удовлетворении ходатайства об обеспечении присутствия при производстве экспертизы (ч. 4 ст. 7 ч. 3 ст. 159 УПК РФ) и о возможности обжалования этого постановления, в том числе и в суд (ч. 4 ст. 159 УПК РФ). Ходатайство было удовлетворено, однако нетрудно заметить, что для обоснования его пришлось использовать «окольный» путь, тогда как право следователя не дать разрешения на реализацию названного права обвиняемого и подозреваемого усматривается из закона без всяких «окольных» путей. Кроме того, заметим, что недостаток собственных специальных знаний — это преодолимое препятствие для реализации права на защиту при производстве экспертиз. Преодолевается оно путем привлечения к участию в деле специалиста в сфере соответствующих специальных знаний на основании ч. 1 ст. 58, п. 3 ч. 1 ст. 53 УПК РФ.

Наиболее ощутимая потребность в состязательности обнаруживается на последнем из обозначенных выше этапов — на этапе оценки готового экспертного заключения. До этого момента некомпетентность следователя в сфере соответствующих специальных знаний, во-первых, могла компенсироваться путем консультаций с самими экспертами, а во вторых, не могла прямо повлиять на принятие властных решений по существу дела. Теперь — ситуация иная: следователь может пойти на поводу у некомпетентного или недобросовестного эксперта, не имея реальной возможности оценить достоверность его выводов. И это — при условии добросовестности самого следователя. В иных условиях создается благодатная почва для злоупотреблений, которые практически невозможно выявить.

Внесенные в июле 2003 года дополнения в УПК РФ о заключении и показаниях специалиста как особом виде доказательств (п. 3.1 ч. 2 ст. 74 и ч. 3 и 4 ст. 80) позволили по-новому оценить проблему обеспечения состязательности в использовании специальных знаний в доказывании. Даже беглый анализ нового уголовно-процессуального института позволяет констатировать, что он «вписан» в существующую систему отечественного уголовного процесса как бы наспех, без детальной проработки на предмет соответствия другим законоположениям. Выделим следующие параметры для сравнения «заключения и показаний эксперта» и «заключения и показаний специалиста» как двух видов доказательств, равных по юридической силе:

1. Правовая форма постановки вопросов. Перед экспертом вопросы ставит лицо, обладающее властными полномочиями и ответственное за производство по делу на данной стадии, после обсуждения характера и круга этих вопросов сторонами в условиях состязательности. Перед специалистом вопросы могут ставиться в таком же порядке, если специалист приглашается по инициативе властвующего субъекта, а могут и по-другому — сторонами, изолированно друг от друга и без всякого участия носителя властных полномочий.

2. По содержанию мнений «сведущих лиц»⁹, излагаемых в заключениях. Для эксперта это — «представленные в письменном виде содержание исследования и выводы по вопросам, поставленным перед экспертом лицом, ведущим производство по уголовному делу, или сторонами» (ч. 1 ст. 80 УПК РФ). Для специалиста это — «представленное в письменном виде суждение по вопросам, поставленным перед специалистом сторонами» (ч. 1 ст. 80 УПК РФ).

3. По содержанию показаний «сведущих лиц». Показания эксперта — это «сведения, сообщенные им на допросе, проведенном после получения его заключения, в целях разъяснения или уточнения данного заключения» (ч. 2 ст. 80 УПК РФ), то есть предмет его показаний прямо «привязан» законом к его же заключению. В отношении показаний специалиста такой «привязки» не предусмотрено.

4. По гарантиям достоверности заключений:

1) экспертиза назначается с соблюдением процессуальных гарантий для обеих состязующихся сторон; специалист привлекается в одностороннем порядке вне всяких процедур и гарантий;

2) эксперт обязан обосновать свои выводы описанием содержания исследований; специалист не обязан обосновывать свои суждения чем бы то ни было, кроме доводов, обусловленных его профессиональной компетенцией;

3) эксперт несет уголовную ответственность за дачу заведомо ложного заключения (ч. 5 ст. 57 УПК РФ, ст. 307 УК РФ), специалист — нет¹⁰. В работах, вышедших в свет после 4 июля 2003 г., необходимость такой «доработки» нового процессуального института не ставится под сомнение¹¹.

При всех недостатках нового процессуального института именно он при грамотном использовании способен обеспечить реальную состязательность мнений нескольких профессионалов, которая, в свою очередь, позволяет требовать от лиц, принимающих властные решения по уголовным делам, не «вслепую» доверяться чужому мнению, а выбирать из нескольких мнений наиболее обоснованное и уметь аргументировать

собственный выбор. Однако считаем абсолютно необходимым четко обозначить, для чего именно может быть использовано заключение специалиста, чтобы это не привело к глобальной ломке сложившихся десятилетиями и даже столетиями основ доказывания. Заметим, что система доказательств, определенная в ч. 2 ст. 74 УПК РФ, утратила бы свойство системности, если бы какие-то элементы полностью дублировали друг друга. Качественная определенность «заключения специалиста» предполагает несовпадение его с «заключением эксперта» ни по содержанию (по сведениям), ни по форме.

Известно, что и до июля 2003 года в уголовных делах появлялись разного рода «консультационные заключения», «мнения специалистов», «письменные консультации специалистов», приобщавшиеся к делу как «иные документы» (п. 6 ч. 2 ст. 74 УПК РФ). По сути, все названное представляло собой суррогат заключения эксперта или показаний свидетеля, обладающего специальными познаниями в той или иной сфере, но собственно «свидетелем» исследуемых событий не являвшегося. Четких нормативных оснований для использования в доказывании этих документов и содержащихся в них сведений вплоть до названных ранее изменений в УПК РФ не было. Примечательно, что подобные документы встречаются в материалах уголовных дел и по сей день, причем гораздо чаще, чем новое доказательство, прямо предусмотренное законом. Смысл, придаваемый им составителями, в большинстве случаев усматривается из такого, например, названия — «Рецензия специалиста на заключение эксперта»¹². Такой смысл противоречит устоявшимся представлениям теории доказательств, поскольку собственно рецензирование экспертного заключения — это часть предмета повторной экспертизы, и осуществить его можно только при проведении аналогичных экспертных исследований. Рецензия «с листа» - документ неполноценный, и обоснованность выводов «рецензента» может быть поставлена под сомнение уже самим фактом отсутствия соответствующих исследований.

Полагаем, что с помощью заключения специалиста (как письменного документа, содержащего ответы на поставленные сторонами вопросы, входящие в профессиональную компетенцию этого специалиста) решаются иные задачи, нежели с помощью заключения эксперта: оно помогает следователю и суду компенсировать отсутствие у них собственных знаний в данной специальной сфере и на этой основе самостоятельно верно оценить имеющиеся в деле экспертные заключения, проверить выводы эксперта путем проведения повторных или дополнительных экспертиз, производства иных следственных и судебных действий.

Специалист не должен подменять собой ни эксперта, ни следователя или суд. Его задача – разъяснить то, что может быть непонятно юристам при исследовании обстоятельств дела, установление которых требует специальных знаний. Правом привлечь к участию в деле специалиста в равной мере пользуются обе стороны, что позволяет услышать в суде и оценить несколько профессиональных мнений об одном и том же исследуемом обстоятельстве.

Примечания

¹ См.: Кудрявцева А.В. Судебная экспертиза в уголовном процессе России: Монография. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2001. С.88.

² Е.Р. Россинская, например, не без оснований считает: «По нашему глубокому убеждению, следователь и суд не в состоянии оценить ни научную обоснованность выводов, ни правильность выбора и применения методов исследования, ни соответствие этого метода современным достижениям данной области научного знания, поскольку для такой оценки они должны обладать теми же знаниями, что и эксперт» (Россинская Е.Р. Использование специальных знаний по новому УПК России// Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации – проблемы практической реализации: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, г. Сочи, 11-12 октября. Краснодар: Изд-во Кубанского гос. ун-та, 2002. С.66).

³ В судебно-медицинской литературе утверждается, что при отсутствии сложности в оценке относимости и допустимости экспертного заключения оценка его достоверности сложна «вследствие того, что субъект, назначивший экспертизу, как правило, некомпетентен в соответствующей научной области и может оценить лишь логическую обоснованность, непротиворечивость экспертизы, соответствие выводов эксперта поставленным вопросам и их определенность. Он не может установить, соответствуют ли выводы эксперта теоретическим научным положениям и достаточно ли они обоснованы» (Гребеньков А.Б., Гребеньков А.А., Лунова З.М., Теньков А.А. Процессуальное различие заключения эксперта и заключения специалиста// Актуальные вопросы судебной медицины и экспертной практики. Вып. 9. Новосибирск, 2004. С.29).

⁴ Профессор В.М. Быков небесповадно усмотрел в факте принадлежности экспертов и следователей к одному ведомству формальное основание для отвода эксперта ввиду его служебной зависимости от стороны (См.: Быков В.М. Новый УПК требует создания независимого комитета судебной экспертизы // Рос. юстиция. 2003. №11. С.29). Вопрос о необходимости изменения ведомственной подчиненности экспертных учреждений ставится в литературе и другими авторами (См.: Кудрявцева А.В. О системе государственных экспертных учреждений// Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Право». Выпуск 2. 2002. №4 (13). С.73-78).

⁵ Уголовное дело из личной адвокатской практики автора.

⁶ Россинская Е.Р. Указ. соч. С.88.

⁷ Здесь намеренно не рассматриваются распространенные на практике случаи предъявления этого постановления одновременно с готовым экспертным заключением. Для искоренения этой порочной практики законодатель создал уже в настоящее время достаточно оснований.

⁸ Дело из личной адвокатской практики автора. В настоящий момент находится в производстве следователя города Самары.

⁹ В дореволюционной литературе словосочетанием «сведущие лица (или люди)» назывались обладатели специальных познаний без четкого разграничения их процессуального статуса, причем как в дореформенном (см.: Баршев Я.И. Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству. М.: ЛексЭст, 2001. С.106-107), так и в пореформенном русском уголовном процессе (см.: Познышев С.В. Элементарный учебник русского уголовного судопроизводства. М., 1913. С.254).

¹⁰ Примечательно, что изменения в диспозиции ст. 307 УК РФ, внесенные 8 декабря 2003 г., по странной причине не коснулись «заключений специалиста», тогда как за дачу заведомо ложных показаний специалист теперь несет уголовную ответственность.

¹¹ См.: Татьяна Л.Г. Рассмотрение уголовного дела в суде в отношении лиц, страдающих психическими недостатками. Ижевск: Детектив-информ, 2003. С.51; Якубов Р.С. Вопросы использования специальных экономических знаний при расследовании налоговых преступлений: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2004. С.12.

¹² См.: Гребеньков А.Б., Гребеньков А.А., Лунева З.М., Теньков А.А. Указ. соч. С.30.

*З.Д. Еникеев**

Истина и справедливость как незыблемые основы уголовного судопроизводства

Вопрос об установлении истины и обеспечении справедливости по уголовным делам приобретает сегодня остро проблемный характер. Прежде всего потому, что в новом УПК РФ отсутствуют понятия «истина», «раскрытие преступления» и из системы принципов уголовного процесса исключены требования всесторонности, полноты и объективности.

* © Еникеев З.Д., 2005.